

≈ 50 мин

В последние годы в левой среде всё чаще можно услышать разговоры о «мелкобуржуазном консенсусе», навязанном огромной массе трудящихся капиталистической системой, вследствие которого наёмные работники оказываются неспособными осознать свой классовый интерес. Эти разговоры в своих разных вариантах доводят иных левых до разочарования в пролетариате, якобы предавшем «священное дело» социалистической революции ради эгоистических, мелкособственнических, «мещанских» интересов, подкреплённых ростом материального благосостояния трудящихся в развитых капиталистических странах. В России и постсоветских странах, где, казалось бы, наблюдается обратная тенденция (постепенный демонтаж социального государства), пробуждения классового сознания рабочих, тем не менее, так и не наступает. В чём же дело? В испорченности, «несознательности» рабочего класса, нежелании (или неспособности) его следовать своим объективным классовым интересам и мещанских предрассудках?

Прежде всего необходимо разобраться в сущности самого «объективного классового интереса» наёмного работника. Здесь, ввиду катастрофического снижения уровня теоретической подготовки левой и леворадикальной публики, мы с необходимостью повторим азбучные истины. Как известно, продавая свою рабочую силу капиталисту — «работодателю» (кстати, Маркс призывал избавляться от этого словечка-мистификации!), рабочий получает взамен положенный ему эквивалент жизненных средств (ближайший аналог, растиражированный в экономической прессе, — «потребительская корзина»). В то же время, рабочая сила как товар носит особый характер, вследствие чего он способен производить больше, чем нужно рабочему для поддержания своего

выживания. Этот остаток, неоплаченный труд, и создаёт прибавочную стоимость, безвозмездно присваиваемую капиталистом — эти отношения называются *эксплуатацией*. Казалось бы, объективный интерес любого рабочего состоит в ликвидации системы капиталистической эксплуатации и установлении бесклассового общества свободно ассоциированных производителей. Но на пути освобождения человека стоит не только репрессивный аппарат буржуазной диктатуры. Любая общественная система (назовём её «социальной формацией») должна непрерывно, цикл за циклом *воспроизводить* себя, иначе ей грозит неизбежный распад, гибель или откат к иным (докапиталистическим) способам производства. Каждому сколько-нибудь грамотному марксисту хорошо известно, что все классовые общественные формации противоречивы, в их основе — *неустранимый* антагонизм между основными классами за контроль над средствами и условиями производства. Ввиду имманентной противоречивости, лежащей в основе любой классовой формации (в нашем случае — фундаментальное противоречие между интересами труда и капитала), система прибегает к *стабилизирующим механизмам*, выраженным, во-первых, в аппарате насилия (речь идёт о государстве и его полицейских функциях) и, во-вторых, в *формах общественной идеологии*, осуществляющей производство индивидов и социальных характеров в интересах сохранения социальной формации. Эта идеология производится и тиражируется разнообразными *идеологическими аппаратами и институтами* на службе господствующего класса, в которых занята особая прослойка наёмных работников и мелкой буржуазии — *интеллектуалы* (священнослужители, учителя, доценты, журналисты, юристы и т. д.). Слово «идеология», зачастую носящее негативный, уничижительный оттенок, с охотой было присвоено буржуазно-демократическими и либеральными мыслителями и публицистами

для характеристики «недемократических» режимов, отличных от их собственного. Появлению самого термина мы обязаны французскому мыслителю Дестюту де Траси (1754-1838), который понимал идеологию как науку о происхождении человеческих идей из чувственного опыта. В обывательском обиходе с ней, как правило, ассоциируется аппарат государственной пропаганды (включая радио, телевидение и прочие СМИ). Но это лишь верхушка айсберга, наиболее видимая и легко воспринимаемая его часть. В то же время, к сфере идеологических аппаратов с таким же успехом можно (и нужно) отнести школу (включая и высшее образование), церковь и религиозные организации, а также основные формы организации знания (буржуазная наука и искусство) и досуга (профессиональный спорт и массовые спортивные мероприятия). Эти институты по-своему «шлифуют» индивидов, формируют их основные мировоззренческие представления и познавательные возможности, подготавливают их к травматичному выходу на «рынок труда» (где господствуют эксплуатация и отчуждение), иными словами, задействовав все уровни институтов социализации (от детского сада до военной службы или сеансов корпоративного «тимбилдинга»), вписывают человека в систему производственных отношений. Но можно ли остановиться на простой констатации существования зловердных идеологических аппаратов? Разве не относятся к сфере идеологии также и различные формы «здорового смысла», обыденного мышления, включая расистские, сексистские и прочие предрассудки? Кроме того, за видимостью явлений скрывается нечто большее и гораздо более существенное. Недостаточно констатировать существование идеологических проявлений в общественной жизни. Необходимо дополнительно задаться вопросом, как сама система производственных отношений формирует господствующие формы идеологии, от примитивной телевизионной рекламы и

парламентской демагогии до изощрённых словесных игр постмодернистов? Эти вопросы традиционно обходятся стороной: отчасти из-за их сложности, но не в последнюю очередь из-за того, что сама их постановка — прямая угроза существующему социальному порядку.

Посмотрим, как проблема идеологии исследовалась в марксистской традиции. Нельзя сказать, что идеология изучена основательно. По сути, перед новым поколением коммунистов стоит глобальная задача — усвоив то немногое, что было написано об идеологии в русле марксистской традиции, самостоятельно расширить, переработать и радикально заострить метод, сделав его не только средством познания реальности, но и способом её изменения. Задача эта связана с внимательным и критическим изучением ряда знаковых сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Грамши, Д. Лукача, Л. Альтюссера, И. Месароша, Т. Иглтона и др., без знания работ которых понять марксистскую теорию идеологии *невозможно*. Сами мы не претендуем ни на полноту, ни на новизну изложения материала. Существует немало хороших книг, всесторонне рассматривающих те или иные формы и функции общественной идеологии. Кроме того, мы не акцентируем внимание на противоречиях между различными марксистскими концепциями идеологии, коих предостаточно, по возможности сосредоточившись на том, что объединяет эти позиции и как они дополняют друг друга. Наконец, мы не касаемся влиятельных в левой среде теорий, родившихся в рамках «Франкфуртской школы». Рецепции их положительных достижений и критике их заблуждений должны быть посвящены отдельные материалы. Кроме того, в изложении этих идей мы будем следовать как историческому, так и логическому принципу там, где это представляется необходимым.

МАРКСИСТСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИДЕОЛОГИИ

Ещё в знаменитых «Экономическо-философских рукописях» 1844 г. Маркс выдвинул знаменитую идею «отчуждённого труда». В её основе — представление о том, что процесс материального производства и продукты человеческого труда уходят из-под контроля работника, становятся чуждой, враждебной ему силой. В качестве оппозиции такому состоянию Маркс предлагает неоднозначную и спорную категорию «человеческой сущности»: отчуждённый труд, по Марксу, и есть утрата этой «сущности», произошедшая вследствие отделения работников от средств и условий производства. Не отвлекаясь на критику положения о «человеческой сущности», обратимся к самой категории «отчуждённого труда» и постараемся её раскрыть.

«В чём же заключается отчуждение труда? Во-первых, в том, что труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своём труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает; а когда он работает, он уже не у себя. В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это — принудительный труд».

Я думаю, в этих строках вполне способен узнать себя как рабочий с конвейерной потогонки, так и скучающий работник офиса, искренне ненавидящий свою работу. Таким образом, люди оказываются подчинёнными

продуктам своего труда, практической деятельности, которые отныне представляются им чуждой и даже враждебной для них силой. К продуктам этого труда, естественно, можно (и нужно) отнести плоды человеческого мышления — моральные нормы, идеи, предрассудки, идеологические и философские системы. Таким образом, выводы Маркса об отчуждённом труде вполне можно распространить и на продукты духовного творчества человека. Здесь Маркс уже нащупывает важную для нас проблему *инверсии и двойственности* идеологии: будучи порождением человеческих рук, она в то же время ускользает из них; имея свои истоки в реальной действительности, в человеческой практике, она в то же время извращает, как в кривом зеркале, представления человека о самой действительности. В силу противоречий, лежащих в основе материального бытия человека в классовом обществе, идеология тоже оказывается противоречивой: призванная объяснять мир, она в то же время искажает представления человека о действительности. Наивно отказывать идеологии в объяснительном и познавательном потенциале. Глупо, например, отрицать, что представления средневековых интеллектуалов о «тройственной модели» общества (в соответствии с которым оно поделено на три разряда — «молящиеся», «воюющие» и «возделывающие землю») не имели своих корней в социальной реальности; в то же время, его интерпретация как отражения божественного порядка и иерархии небесных ангельских чинов наивна и лишь мистифицирует общественные отношения. Можно также вспомнить и господствующее в буржуазной социологии США представление о «трёх классах» (низший, средний и высший). Имея свои истоки в общественной действительности (эмпирически выявленное неравенство шкалы доходов), оно в то же время извращает реальное положение вещей: классы мы определяем не по уровню достатка, а по отношению к собственности на средства

производства. В связи с этим критика религии тоже должна быть углублена, ввиду того, что, будучи всего лишь одной из форм общественной идеологии, она равным образом служит как инструментом познания, так и орудием мистификации общественных отношений. Как это работает? Возьмём простой пример — посещение Джеймсом Куком Гавайских островов. При его первом прибытии в 1778 году капитан был признан местными служителями культа инкарнацией божества плодородия и процветания Лоно (О Роно), т. к. его прибытие по внешним признакам совпадало с описаниями зародившегося ещё в XVI веке пророчества. Прибытие чужеземца оказалось вписанным в картину мира местных жителей, сформировавшуюся в процессе материальной практики, и оказалось крайне выгодным для местной знати. Картина мира не поколеблена, общественный порядок не нарушен. Идеология выполнила свою объяснительную задачу, однако насколько такое объяснение соответствует действительности?

В «Немецкой идеологии» (1846), написанной К. Марксом совместно с Ф. Энгельсом, развиваются другие — не менее важные — аспекты идеологии:

«Если во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обскуре, то это явление точно так же проистекает из исторического процесса их жизни, как обратное изображение предметов на сетчатке глаза проистекает из непосредственно физического процесса их жизни... Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными

предпосылками. Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития: люди, развивающие своё материальное производство и своё материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также своё мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание».

В этом отрывке содержатся несколько важных моментов, некоторые из них будут уточнены и скорректированы в процессе дальнейшего изучения идеологии в марксистской традиции. Во-первых, идеология имеет свои истоки и происхождение в материальной действительности и человеческой практике. Именно поэтому на первый взгляд парадоксальное выражение, что «у идеологии нет своей истории», следует понимать так: идеология, являясь порождением человеческой практики, меняется вместе с изменениями в её формах, не являясь самостоятельным феноменом общественной жизни и не имея собственной внутренней логики развития. Французский марксист Луи Альтюссер так уточняет это утверждение:

«У идеологии нет истории, что вовсе не значит, что в ней нет истории (как раз наоборот, ведь она является всего лишь бледным, пустым и инверсивным отражением реальной истории); это значит, что у неё нет своей истории».

По этой причине марксизм отбрасывает наивную веру Просвещения в то, что сила идей может изменить социальный порядок: для этого нужно сначала

изменить реальные условия материального бытия общества. Это важный практический вывод, к которому мы ещё вернёмся. Само зарождение развитых форм идеологии (философии, права, монотеистических религий) вытекает из реальной практики человеческих сообществ. Скажем, идея «абсолютного духа», «вечной идеи» и прочих разновидностей идеализма, пытающихся представить сознание как автономный, не зависящий от материального мира процесс, имеет своим исходным пунктом разделение труда, освободившее некоторые прослойки населения от производительной деятельности. По остроумному предположению И. Месароша, отчуждение труда, в свою очередь, породило представление И. Канта о принципиально непознаваемом трансцендентном мире «вещей в себе».

**ПОСТМОДЕРНИЗМ ЯВЛЯЕТСЯ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ РЕАКЦИЕЙ В
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ, НО ЕГО
ПОЯВЛЕНИЕ НЕСЛУЧАЙНО СОВПАЛО С
ГЛОБАЛЬНЫМ НАСТУПЛЕНИЕМ КАПИТАЛА НА
ПРАВА ТРУДЯЩИХСЯ (ЭРА
«НЕОЛИБЕРАЛИЗМА») И ВЫТЕСНЕНИЕМ
МАРКСИЗМА НА ОБОЧИНУ УНИВЕРСИТЕТСКИХ
ДИСКУССИЙ. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВРАГ ДОЛЖЕН
БЫТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО РАЗОРУЖЁН, И
ЗДЕСЬ НА ПОМОЩЬ КАПИТАЛУ ПРИХОДЯТ
ТОТАЛЬНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ, ОТРИЦАНИЕ**

КАТЕГОРИЙ ИСТИННОСТИ И
ОБЪЕКТИВНОСТИ, «НЕТ НИЧЕГО, КРОМЕ
ТЕКСТА» (Ж. ДЕРРИДА) И ПРОЧИЕ
ПРЕМУДРОСТИ. НО ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК
ОРУДИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ
ВТОРГАЕТСЯ В УМЫ ЛЮДЕЙ ТОГДА И
ИМЕННО ТОГДА, КОГДА КАПИТАЛИЗМ
ВСТУПАЕТ В КРИЗИС, ОБУСЛОВЛЕННЫЙ
ГЛОБАЛЬНЫМ СНИЖЕНИЕМ НОРМЫ
ПРИБЫЛИ.

Процитированный выше отрывок из Маркса вызывает и возражения. Идеология, конечно, не продукт «испарения жизненного процесса», она не вторична по отношению к человеческой практике; даже будучи формой «ложного сознания», идеология — не химерична, она *реальна*, потому что имеет свои истоки в материальной практике людей и непосредственно вписана в неё. Формы сознания и практическая деятельность человека сплетены в диалектическую взаимосвязь, и одно не является простой функцией от другого. Вспоминается в этой связи остроумное замечание, высказанное Антонио Лабриолой:

«Данте нельзя объяснить непосредственно из особенностей флорентийской текстильной мануфактуры, а можно объяснить лишь опосредствованно, с помощью анализа чувств, идей и политической борьбы, совокупного

общественного состояния, выросшего на экономическом базисе, для которого эта мануфактура была только наиболее характерным элементом и показателем».

Таким образом, заслуга исторического материализма — не в утверждении, что формы сознания и идеологии происходят из материальных условий жизни людей; его заслуга — в углублении этого тезиса, в открытии того непреложного факта, что идеология, будучи продуктом материальной практики, отделяется от неё, выполняя при этом свои необходимые функции в рамках этой практики. Итак, с материалистической точки зрения, идеология не представляет собой изолированный, повисший в воздухе феномен общественного бытия (полагая так, есть риск впасть в идеализм) — она неизбежно связана с формами общественного бытия и, более того, *укоренена в общественной практике*. Скажем, господствующая идеология феодальных обществ кристаллизуется не только в богословских трактатах и императорских декретах, но и в повседневной реальности — в мессах и похоронах, коронациях и сельских свадьбах. Ритуалы, церемонии, делопроизводство — за всем этим стоит роль идеологии, поставленной на службу господствующим классам. Таким образом, классики марксизма здесь ещё не пришли к пониманию идеологии как *активной социальной силы, направляющей действия людей в их повседневной практике*. Наконец, в комментарии нуждается и утверждение, что *«во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными с ног на голову»* (нем. *wie in einer Camera obscura auf den Kopf gestellt erscheinen*). Можно долго рассуждать об адекватности использования метафоры «камеры-обскуры». Как известно, камера-обскура после введения в XVI веке оптических линз считалась до недавнего времени аппаратом, адекватно отражающим реальность, и именно в

таким смысле к этой метафоре прибегал Дж. Локк, полагая её выражением чистого и точного отражения действительности. Мы не занимаемся толкованием священных текстов и, не веря в непогрешимость классиков марксизма, скажем лишь, что здесь мы имеем дело с довольно неудачной метафорой: даже если камера-обскура подразумевает аппарат, переворачивающий реальность с ног на голову, то всё-таки недостаточно поставить с ног на голову чистый идеализм, чтобы получить знание о реальности: выполнение этой операции, по меткому наблюдению Т. Иглтона, скорее, приведёт к механическому материализму. Но метафору можно трактовать и по-другому: в перевёрнутой реальности уже содержится момент истины, поскольку её источником всё-таки является сама реальность.

Наконец, идеология всегда и везде имеет классовое происхождение. Процитируем в этой связи другой отрывок из «Немецкой идеологии»:

«Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть вместе с тем и его господствующая духовная сила. Класс, имеющий в своём распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчинёнными господствующему классу».

Постепенно, с углублением метода, классики отходили от наивно-упрощённого понимания идеологии как иллюзорной, химеричной, мистифицирующей силы.

Для этого *недостаточно* было указать на её классовый характер: необходимо было нащупать её *общественную функцию*. В своём знаменитом «Предисловии к критике политической экономии» (1859) Маркс сменяет акценты и отказывается от прежнего взгляда на идеологию:

«С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства — от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по её сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями».

Идеология и её формы отныне служат способами осознания и изменения материальных условий жизни. Идеология — уже не иллюзорная, а активная социальная сила, в рамках которой люди осмысливают своё положение и изменяют условия своего материального бытия. Она уже не является привилегией и вотчиной господствующего класса — её действие охватывает, в той или иной мере, все общественные классы. Но это далеко не означает, что её утверждение происходит бесконфликтно, на основе некоего общественного «консенсуса» (кстати, любимое словечко правоконсервативной и фашистской

публики). Впоследствии, опираясь на эти идеи, итальянский марксист А. Грамши формулирует важную мысль об утверждении идеологической гегемонии господствующих классов. Как она работает? По мнению Грамши, гегемония осуществляется посредством *идеологического господства* правящих классов над угнетёнными. Её отзвуки можно было обнаружить и в викторианской Англии, ужасы которой, известные нам лишь по романам Диккенса, воочию лицезрели Маркс и Энгельс. Нищий портовый рабочий был горд считать себя «англичанином», скандировать «Rule, Britannia!» и искренне презирать индийских или африканских собратьев по несчастью. В этой связи вспоминается грустный анекдотический случай.

**КАК-ТО ИНДУС, ПРИЕХАВШИЙ В ЛОНДОН
ГДЕ-ТО НА РУБЕЖЕ XIX И XX СТОЛЕТИЙ,
ПРОГУЛИВАЯСЬ ПО ГОРОДУ, ВОЗНАМЕРИЛСЯ
ПОЧИСТИТЬ СЕБЕ БОТИНКИ. ЧИСТИЛЬЩИК
ОБУВИ, ЗАИНТЕРЕСОВАВШИЙСЯ ЕГО
ЭКЗОТИЧЕСКОЙ ВНЕШНОСТЬЮ И ОДЕЖДОЙ,
ПОЛЮБОПЫТСТВОВАЛ О ЕГО
ПРОИСХОЖДЕНИИ. ПОЛУЧИВ ОТВЕТ, ЧТО
ЕГО КЛИЕНТ ИЗ ИНДИИ, РАБОЧИЙ ЗАДАЛ
ВОПРОС: «НУ И КАК ВАМ НАШЕ ПРАВЛЕНИЕ
ТАМ?».**

Вот вам наглядный пример действенности идеологической гегемонии среди угнетённых. За ближайшими примерами из нашей собственной жизни далеко ходить, к счастью, не надо. Концепция Грамши не сводится лишь к идеологии: гегемония включает и политические институты (например, буржуазный парламент). Но ключевой момент здесь не в этом. Развитые капиталистические страны не осуществляют гегемонию прямым террористическим насилием. Напротив, институты буржуазного общества *внушают* людям *иллюзию* («выборности», «сменяемости», «народного управления» — продолжите сами). Этим не гнушались даже откровенно террористические формы капиталистических режимов — вспомните знаменитые «плебисциты» нацистской Германии и всю сопутствующую им демагогию о «классовом мире», «консенсусе» и т. д. Наконец, гегемония осуществляется не только государством. В ней задействовано и столь любимое либералами «гражданское общество» с его институтами — партиями, профсоюзами, прессой, т. е. институтами, не прямо связанными с государственным аппаратом. Кроме того, господство правящей идеологии не устраняет наличие идеологии угнетённых классов: вспомним, как ревностно и остервенело Церковь позднего Средневековья преследовала разные формы «аграрной магии», практикуемой крестьянскими сообществами. Напомним также, как ублюдочный «маскульт» разрушает культуру, эстетические вкусы и привычки сообществ стран «Третьего мира», лишь недавно поглощённых капиталистической машиной.

Вернёмся к вышеприведенной цитате из классиков. Как бы то ни было, соотнесение идеологии с *надстройкой* при безусловном примате экономического базиса вновь создаёт нам немалые проблемы. Немало марксистов отказываются от такой упрощённой «двухэтажной» структуры,

осторожно признавая за диалектикой «базис/надстройка» роль не более чем красочной метафоры. Важно это и для нас: если идеология и её формы (юридические, художественные, философские и т. д. взгляды и представления) относятся к надстроечным явлениям, то почему они оказываются способными направлять материальную деятельность людей? Не менее проблематичен и вопрос, почему человеческая производственная деятельность постоянно прибегает к этим идеологическим формам в процессе своего разворачивания? Можно ли представить фабрику как простое, механическое соединение машин, аппаратуры и мускульной силы рабочих без организующей и направляющей роли сознания задействованных в производстве людей? Едва ли. Идеология попросту *необходима* капиталистическому (как и любому другому классовому) обществу для своего *воспроизводства*. Идеология (как и все явления надстроечного характера, включая государство) *функциональна*, она сдерживает классовую борьбу, придавая капиталистической формации известную устойчивость и способность к развитию. Но понимание этого пришло далеко не сразу.

Мы видим, что отношение Маркса к идеологии на охваченном нами этапе его творческого пути было далеко не однозначным, противоречивым.

Односторонние формулировки (идеология как продукт материальной жизни, идеология как иллюзия, искажение социальной реальности и идеология как форма духовного господства правящих классов) содержат лишь отдельные, описательные характеристики, являющиеся только приближениями к конкретной истине, — пониманию подлинного места идеологии в капиталистическом обществе. Радикальную переработку проблемы мы встречаем уже на страницах первого тома «Капитала» (1867). Речь идёт о

знаменитом разделе, посвящённом «товарному фетишизму». Здесь Маркс анализирует тайну и сущность «товара». Во-первых, надо сказать, что проблема, поднятая Марксом в этом разделе «Капитала», оказалась столь сложной, что её считали за благо отбросить или обойти стороной даже самые способные марксисты вроде Луи Альтюссера. Последний в своей книге-введении в «Капитал» Маркса всерьёз призывал игнорировать этот раздел, считая его не более чем инкрустацией в текст серьёзного научного труда, ностальгией по юношеским философским опытам «раннего» Маркса (не всегда же Маркс был марксистом!). Во-вторых, казалось бы, какое отношение сухой политэкономический анализ имеет к идеологии? Но мы усложним нашу задачу и всё-таки попытаемся разобраться в хитросплетениях этого непростого параграфа первой главы «Капитала», потому что здесь оказался вскрыт механизм, относящийся равно как к реалиям общественных отношений, так и к представлениям людей о них. Диалектическая связь между реальностью и иллюзией наконец-то нащупана. Маркс пишет, что:

«...таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей. Благодаря этому quid pro quo [появлению одного вместо другого] продукты труда становятся товарами, вещами чувственно-сверхчувственными, или общественными. Так, световое воздействие вещи на зрительный нерв воспринимается не как субъективное раздражение самого зрительного

нерва, а как объективная форма вещи, находящейся вне глаз. Но при зрительных восприятиях свет действительно отбрасывается одной вещью, внешним предметом, на другую вещь, глаз. Это — физическое отношение между физическими вещами. Между тем товарная форма и то отношение стоимостей продуктов труда, в котором она выражается, не имеют решительно ничего общего с физической природой вещей и вытекающими из неё отношениями вещей. Это — лишь определённое общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами. Чтобы найти аналогию этому, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одарёнными собственной жизнью, стоящими в определённых отношениях с людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, коль скоро они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от товарного производства».

Очевидно, что здесь мы сталкиваемся со своеобразной (и специфической для капитализма) инверсией между миром людей и миром созданных ими вещей. При этом проступающие сходства с теорией «отчуждённого труда» здесь лишь кажущиеся. Если в «Экономическо-философских рукописях» 1844 года Маркс прибегает к идеалистической концепции «человеческой сущности», то краеугольным пониманием товарного фетишизма здесь служит идея абстрактного труда — основы меры стоимости. Основная идея Маркса заключается в том, что труд при капитализме (и других способах товарного производства) приобретает двойственный, противоречивый характер. С одной

стороны, существует *конкретный труд*, тот частный труд конкретного товаропроизводителя, который создает *потребительную стоимость* товара — набор полезных качеств, которые могут быть потреблены человеком для удовлетворения его потребностей; с другой стороны, в абстрактном труде в процессе образования стоимости происходит отвлечение, абстрагирование от качественных особенностей конкретного труда. Иными словами, безразлично, что, как и для кого произведено — имеют значения лишь количество вложенного в производство товара труда, которое образует его стоимость. В этой и только в этой абстрактной форме происходит переход из сферы потребления в сферу обмена, осуществляемого на рынке через приравнивание друг к другу разных товаров, обладающих стоимостью. В акте обмена происходит абстрагирование от конкретных качеств и характеристик конкретных товаров («потребительная стоимость»); в расчёт принимается лишь их абстрактно установленная в акте обмена стоимость. Наивно думать, что такие общественные отношения неспособны породить соответствующие им формы общественной идеологии. Конечно, появление «реальной абстракции», в которой в денежной форме происходит исчезновение реального содержания, порождают невероятный прорыв в развитии абстрактного мышления, открывают путь к сложным алгебраическим и геометрическим понятиям, создают предпосылки для бурного роста точных и естественных наук с их пристрастием к абстрактным системам и категориям. Но у товарного фетишизма есть и обратная сторона медали. Как часто мы слышим в экономических новостях про «болезни» рынка, про скачки цен на продукты и лекарства, придавая, волей-неволей, рынкам роль могущественных существ, живущих своей жизнью, наделённых «невидимой рукой», а то и вовсе обожествляя их? Создаётся впечатление, что капитал воспроизводится сам

собой, без участия человеческого труда и чудовищной эксплуатации, а люди выступают лишь пассивными созерцателями инфляционных кривых, живущих в религиозном страхе перед кризисами и рецессиями. Разве колебания рынков сами по себе, а не алчность капиталистов разрушают жизни миллионов людей, лишая их работы и обрекая на нищенское существование? А как часто мы слышим от нашего хорошего знакомого, что он руководствуется в выборе товара исключительно высокой (или низкой) ценой, придавая цене способность стать ориентиром в определении качества, надёжности и полезности продукта (т. е. его «потребительной стоимости»)? В этом заключается колоссальная сила «товарного фетишизма» — ядра капиталистической общественной идеологии. «Реальная абстракция», лежащая в основе рыночного обмена, направляет мышление и действия миллионов людей. Товарный фетишизм мистифицирует, искажает реальные общественные отношения, и в этом его мощная идеологическая сила. Его опасность также заключается в том, что люди перестают воспринимать производство в глобальном общественном измерении: товарный фетишизм рисует деятельность людей лишь как отдельных, изолированных, эгоистичных индивидуумов, эдаких лощёных мерзавцев со страниц глянцевого журнала, вступающих в отношения с другими людьми лишь для приобретения или сбыта тех или иных благ или услуг ради максимальной выгоды для себя. Дабы не быть голословными, дадим здесь слово автору знаменитого учебника «Экономикс», выдержавшего десятки изданий и ставшего классическим в преподавании экономики в университетах:

«Экономикс основана на предположении о „разумном эгоизме“. Иными словами, люди принимают рациональные решения для достижения наибольшего удовлетворения или максимально полной реализации своих

целей».

Здесь не может не напроситься ёмкая характеристика, данная Марксом И. Бенхаму, идеологу «утилитаризма»: «гений буржуазной тупости». Как объяснить тогда бедственное положение миллионов трудящихся? Очевидно, отсутствием у этих людей представления о преимуществах рационального выбора. Сами, дескать, виноваты. Капитализм, задействуя эту идеологию, уклоняется от удара и всякой критики в свой адрес. Наконец, общество, где общественные отношения в головах людей оказываются детерминированными неодушевлёнными вещами (в т. ч. «кривыми спроса» и сложными математическими расчётами, производящими сильное впечатление на обывателя), начинает представлять свой социальный порядок как вечный, «естественный», не подверженный эрозии и историческим изменениям. Эти представления существуют не только на страницах либеральных апологетов капитализма: они, проходя через индивидуальное сознание, выражаются в «здравом смысле» и разного рода мещанских мудростях («Не на*бёшь — не проживёшь», «своя рубашка ближе к телу», «человек человеку — волк») и сентенциях («Нельзя изменить человеческую природу, поэтому коммунизм невозможен»). Таким образом, несмотря на все изменения, которые претерпели представления Маркса об идеологии, ядро («инверсия») остаётся неизменным. Какие мы можем сделать из этого выводы? Нужно перестать думать, что идеология существует лишь в политической демагогии и неолиберальной болтовне. Равным образом она не ограничивается глобальными теоретическими системами («либерализм», «фашизм», «коммунизм» и т. д.). Она не заканчивается на бурлящих улицах и трибунах, и обыватель, спеша домой и с головой ныряя в «семейный уют», напрасно видит в своей частной жизни

«островок безмятежности» среди моря лжи и демагогии политиканов. Она проникает во все сферы нашей жизни, калечит и уродует наши судьбы, пронизывает межличностные отношения, раскалывает семьи, мешает нам любить и заниматься свободным творческим трудом.

Напоследок интересно проследить связь между «товарным фетишизмом» и отношениями между людьми в докапиталистических формациях. В последних наблюдается другое, во многом противоположное явление, а именно, *фетишизация личностных отношений* — она выражается в межличностных отношениях господства и подчинения, в которых маскируются реальные производственные отношения. Почему так происходит? Непосредственные производители материальных благ — крестьяне, ведущие мелкое полунатуральное хозяйство, — фактически контролируют производство и бесконтрольно распоряжаются орудиями труда, они неотделимы от них. Всемогущий император или феодальный сеньор, будучи формальным собственником, не является распорядителем и организатором производственного процесса. Сословно-классовые общества древности и средневековья в силу неотделимости работника (как правило, крестьянина) от средств производства — орудий и земли (основной сферы приложения его труда) покоились, таким образом, на *внеэкономическом принуждении* — голом насилии, идеологически оформленном в отношениях господства и подчинения. В силу этого формы общественной идеологии фетишизировали личностные отношения (с сильным акцентом на харизму монарха и обожествление/сакрализацию его власти, идеализацию верности и послушания подданных и вассалов, патернализм, характерный для восточных монархий). Но за всеми этими мистификациями на самом деле скрывались лишь определённые

формы общественного производства. Переход к капитализму сместил акценты и в работе идеологии, расчистив дорогу «товарному фетишизму».

РАБОТА ИДЕОЛОГИИ

Итак, мы выяснили *задачи и функции* идеологии (сглаживание остроты классовых конфликтов для стабилизации капитализма) и установили её преимущественно *классовый характер*, связанный с интересами господствующих классов, а также вкратце коснулись и основных её *агентов*. Но как осуществляется действие идеологии в материальной практике людей? Маркс в первом томе «Капитала» оставляет на этот счёт довольно неоднозначный и ставший впоследствии знаменитым комментарий:

«Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому. Они не осознают этого, но они это делают».

Встаёт серьёзная проблема, которую можно переформулировать так: «Понимают ли капиталисты и их идеологи подлинный смысл своих действий?». В письме Ф. Энгельса Ф. Мерингу от 1893 г. впервые появляется ставшее впоследствии знаменитым понятие «ложное сознание»: *«Идеология, — пишет Энгельс, — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создаёт себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах».*

Таким образом, сам по себе напрашивается негативный вывод, что действие идеологии относится к сфере (общественного) бессознательного: действуя в соответствии с идеологическими императивами, люди не отдают себе отчёт в подлинных побудительных мотивах их действий. В этой догадке содержится нечто неприятное для самодовольного буржуа: выходит, что истинный смысл его действий, несмотря на все попытки рационально объяснить свою погоню за наживой, остаётся скрытым от него? А как же пафос Просвещения с его культом разума? Неужели глубокомысленные рассуждения о «разумном эгоизме», «предпринимательском таланте», «инвестиционных проектах» и, прости господи, «конце истории», в конечном итоге, оказываются наивным самообманом, в распространении которого искренне участвуют капиталисты и их апологеты? А как быть с пресловутой «аполитичностью»? Неужели это тоже не более, чем хрупкая идеологическая позиция, скрывающая чьи-то классовые интересы? А как же столь явственно проступающая в среде образованных буржуа фетишизация науки? Неужели это относится даже к лучшим представителям буржуазного общества, к учёным, перед которыми мы традиционно испытываем пиетет? На этот счёт однозначно высказался Дьёрдь Лукач в своей знаменитой книге «История и классовое сознание» (1922):

«Она [буржуазная историческая наука] оказывается неспособной понять общество как конкретную тотальность, как производственный строй на определённом уровне общественного развития и обусловленное им расчленение общества на классы. Когда буржуазно-историческая наука проходит мимо такой тотальности, она рассматривает нечто совершенно абстрактное как конкретное».

Неспособна — не значит, что не желает; это значит, что она не может это сделать в силу своей исторической и классовой ограниченности. Но здесь не нужно впадать в излишний морализаторский пафос — нужно не выяснять, хорошо это или плохо (эксплуататорский режим капитализма для нас — априори «плохо», иначе быть не может), нужно лишь твёрдо понимать, что к сфере идеологии относятся все явления общественной жизни, не связанные напрямую с материальным производством, но прямо или косвенно стабилизирующие капиталистическую систему, сглаживающие остроту классовых конфликтов. Форма, в которой она осуществляется (буржуазная наука, «массовая культура», «элитарное искусство», религия, национализм), не так уж важна. И, наконец, наивно полагать, что в этой системе искренне заблуждаются только буржуа. Осознают ли болельщики сборной России, выходцы из пролетарских семей и молодые рабочие, что подлинный идеологический смысл посещаемых ими спортивных мероприятий — в пропаганде агрессивного национализма, «национального единства» и ксенофобии? Понимают ли члены МОК и зрители олимпийских игр, что эти мероприятия служат утверждению империалистической гегемонии развитых капиталистических стран, щедро срывающих комплекты золотых медалей? Едва ли. Прочно усвоив это, они вряд ли бы пожелали и дальше потворствовать профессиональному спорту с его сверхприбылями и отупляющими зрелищами. Таким образом, капиталистический строй покоится на незнании и искреннем заблуждении, в которое впадают, в той или иной степени, все его агенты — от председателя правления «Газпрома» до простого гастарбайтера.

Но всё-таки как оно работает? Неужели и правда без «бессознательного» Фрейда, однажды уже заклеянного в идеализме, никак не обойтись? Именно

к такому заключению пришли некоторые западные марксисты второй половины прошлого века, пытавшиеся с разным успехом «скрестить» психоанализ с марксистским методом. Почему они обратились к этим вопросам именно тогда, посвятив воздействию идеологии на человека массу книг и статей, в то время как классики марксизма оставили нам так мало отрывочных комментариев? Наверное, потому, что на заре капитализма деятельность рабочих не была парализована такой изощрённой идеологической манипуляцией, которую мы наблюдаем сейчас, в век «высоких технологий», бешеного роста «индустрии развлечений» и сферы индивидуального потребления. Теперь же, со стабилизацией послевоенной капиталистической системы и быстрым экономическим ростом, создалась опасность распространения «буржуазного консенсуса» на всё общество, расширения капиталистических отношений «вглубь» с охватом всех сторон материального бытия и духовного производства. Именно эти обстоятельства так встревожили марксистов. Несомненным преимуществом обращения к психоанализу служит искреннее желание разобраться в том, как идеология воздействует на частную жизнь каждого конкретного индивида, его повседневную материальную практику, как она преломляет его личные выборы и мировоззренческие установки. Таким образом, марксистский метод получает возможность выхода на личностный, глубоко субъективный уровень человеческой жизни. Здесь ещё многое предстоит сделать, и классический, фрейдистский психоанализ тут явно не подходит — необходимо, усвоив его положительные достижения, перевести его, что называется, «на материалистические рельсы». Ключевое здесь, что роднит марксизм с прогрессивными направлениями психоанализа, — интерес к человеку, его внутренним конфликтам, противоречию как источнику развития и страданий, сознательным выборам и бессознательным побуждениям,

направляющим общественное бытие человека. Наиболее интересной в этой связи является теория Л. Альтюссера, сформулированная им в знаменитой и весьма влиятельной статье «Идеология и идеологические аппараты государства». Она достаточно сложна для понимания, перегружена лексикой из структурализма и лакановского психоанализа, поэтому изложим её содержание в более доступной форме. В её основе — представление о том, что реальность, в которой господствует эксплуатация и отчуждение, а люди являются лишь точками приложения общественных сил и функциями от определённого типа общественных отношений, крайне неприятна, даже невыносима для индивида, вынужденного жить и трудиться в классовом обществе. Ему требуется почувствовать себя нужным, востребованным субъектом, а не заброшенным в него индивидом, занимающим по чистой случайности то или иное место в общественном разделении труда. С целью смягчить воздействие «реальности», какой бы она ни была, на сцену выходит идеология. Она действует через хорошо знакомые нам идеологические аппараты — школу, церковь, СМИ, искусство, спорт, семью и т. д.

«Идеология, — пишет Альтюссер, — представляет собой воображаемые отношения индивидуумов с реальными условиями их существования. Под последним в конечном итоге подразумевается „система производственных отношений, которым подчинено существование индивидуумов“».

Идеология здесь непременно и всегда подразумевает только личностный уровень воздействия: иными словами, какой прок от идеи, если она не обращена напрямую к субъекту, к живому человеку? Задача идеологии сводится в конечном итоге к тому, чтобы из индивидуума сделать зависимое лицо,

«субъекта» производственных отношений. Причём одна из задач идеологии заключается в том, чтобы всячески разубедить человека, что он мыслит и действует в рамках определённой идеологической системы:

«То, что, как нам кажется, происходит вне идеологии <...>, на самом деле происходит в идеологии. То есть то, что в реальности происходит в идеологии, кажется, происходит вне неё. Поэтому те, кто находятся в этой идеологии, по определению, полагают себя вне идеологии. Это один из эффектов идеологии, практическое отрицание идеологического характера идеологии самой же идеологией, ведь она никогда не скажет: „Я идеологична“».

Согласитесь, в этом что-то есть. Но в чём же здесь сложности? Во-первых, не все марксисты согласны с тем, что идеология способна действовать за пределами осознанных и рациональных побуждений. Но самая большая трудность заключается в том, что позиция Альтюссера, своеобразно названная «теоретическим антигуманизмом», исключает из анализа подлинного субъекта, а именно, мыслящего человека, способного к творческому изменению действительности. Альтюссер, конечно, призывает к «научному методу», противостоящему идеологии, рассуждает о важности классовой борьбы, но субъект для него — лишь пассивная точка приложения угнетающих его идеологических аппаратов. Согласитесь, что звучит довольно удручающе, на манер сюжета трилогии «Матрица». Но из этого можно сделать и менее пессимистические выводы. Если реальность, в которой господствует отчуждённый труд и эксплуатация, так невыносима, что для поддержания психического равновесия нам необходима идеология на манер костыля,

«заместительной терапии», то коммунист обязан поставить перед собой сверхзадачу — *принять эту ужасающую реальность такой, какая она есть, не сойти с ума и приступить к её изменению.*

В левой и леволиберальной среде (особенно во всяких «широких левых» и «опенлефтах») весьма популярны интерпретации Жижека, перегруженные «эзотерической» гуманитарной лексикой и являющиеся, по сути, эклектичным сплавом марксизма и лакановского психоанализа. На самом деле, если мы обратимся к данному им определению идеологии, мы не обнаружим для себя уже ничего существенно нового:

«Идеология — это не просто „ложное сознание“, иллюзорная репрезентация действительности, скорее, идеология есть сама эта действительность, которая уже должна пониматься как „идеологическая“, — „идеологической“ является социальная действительность, само существование которой предполагает не-знание со стороны субъектов этой действительности, незнание, которое является сущностным для этой действительности. То есть такой социальный механизм, сам гомеостаз которого предполагает, что индивиды „не сознают, что они делают“.
„Идеологическое“ не есть „ложное сознание“ (социального) бытия, но само это бытие — в той мере, в какой это бытие имеет основание в „ложном сознании“».

За всем этим путаным словоблудием кумир левой богемы не сказал, по сути, ничего нового, сумбурно повторив лишь то, что было создано в марксизме до него и что мы постарались изложить выше. Это не означает, что революционные

марксисты должны игнорировать Жижека или иных своих идейных противников: в конце концов, Маркс взял себе за труд внимательно изучить труды буржуазных политэкономов, и незнание содержания идей своих противников марксиста никак не оправдывает. Важно лишь извлекать из этих трудов практически полезные вещи, интерпретировать их с позиций материалистической диалектики и делать из них самостоятельные выводы.

Поднятыми вопросами не исчерпываются проблемные места в изучении идеологии. Единственное, что мы постарались здесь донести — так это то, что идеология неразрывно связана с человеческой практикой и действует на глубоко личностном, субъективном уровне, ограничивая и направляя человека в его повседневной жизни. Это не отменяет ни её связи с классами и классовой борьбой, ни возможности позитивного преодоления идеологии. Но этих вопросов мы не касаемся.

Внимательный читатель, вероятно, спросит: является ли марксизм такой же идеологией, к тому же исторически ограниченной и вызванной к жизни противоречиями капиталистической системы? Казалось бы, реалии позднего СССР, где господствующая форма марксизма свелась к ритуальным цитатам, а многие его перспективные направления были задушены на корню, подтверждают этот тезис. Мы ответим: да, и у марксизма есть все основания и опасения превратиться в идеологию для оправдания какого угодно (но никак не коммунистического) общества. Единственная панацея от этого — свободное и творческое развитие метода (при условии обязательного знания его оснований и важнейших положений). Важно помнить, марксизм *не является* классовым сознанием рабочего класса: имея общие истоки, они всё же отличаются друг от

друга и лишь опосредованно связаны между собой. Марксизм, будучи научным методом, *способен* вооружить рабочих стратегическим мышлением для того, чтобы превратить разные формы классовой борьбы в революционную практику, но это далеко не означает, что он априори обязан это сделать в силу своей истинности или по мановению волшебной палочки: всё зависит от грамотного применения марксистского метода.

И, наконец, встаёт вопрос: что можем противопоставить идеологии мы, воспитанные в традициях капиталистического общества и едва пробудившиеся от токсичного сна впитанных с детства иллюзий? Нашим оружием может стать лишь *подлинно научный метод* объяснения и изменения окружающей действительности.

Конечно, проблема вскрытия роли идеологии в капиталистическом обществе далека от завершения. В задачу этой статьи входила лишь попытка нащупать контуры этой роли и пути приближения к её пониманию. Но и из нашего краткого очерка уже следует ряд *практических выводов*. Во-первых, единственный способ противостоять господствующим в обществе формам идеологии — усвоение и творческое развитие подлинно научного марксистского метода. Для свержения режима классовой власти и частной собственности необходимо не цитировать и интерпретировать непогрешимые тексты классиков (это бесполезное занятие!), а, вооружившись марксистским методом, изучать прежде всего саму социальную реальность и вскрывать её противоречия.

В ЗАДАЧУ КОММУНИСТА, ЕСЛИ ОН ЖЕЛАЕТ

СЛОМИТЬ ХРЕБЕТ ГОСПОДСТВУЮЩЕЙ ИДЕОЛОГИИ, ВХОДИТ НЕ ТИРАЖИРОВАНИЕ «ОРТОДОКСАЛЬНЫХ» СХЕМ, КАКИМИ БЫ ПРОСТЫМИ И ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫМИ ОНИ НЕ БЫЛИ, А ВДУМЧИВОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ ЛЮДЯМ РЕАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ, В ОСНОВЕ КОТОРЫХ, КАК МЫ ЗНАЕМ, ЛЕЖАТ ЭКСПЛУАТАЦИЯ И ОТЧУЖДЕНИЕ.

Теория, «вставшая на ноги» и обретшая почву не только в мышлении, но и в действиях и поступках людей, в их повседневной материальной практике, станет основой для свержения капитализма в мировом, планетарном масштабе. Эти выводы напрямую следуют из усложнения капиталистической системы и бурного роста идеологических аппаратов угнетения: фронтальная атака на капитализм без длительной подготовительной работы по завоеванию культурно-идеологической гегемонии среди трудящихся стала невозможной. Во-вторых, *нельзя* ограничиваться критикой господствующей политической идеологии: необходимо выявлять и подвергать изучению все проявления идеологии, в том числе в быту, семейном кругу, в формах досуга и потребления, — иначе говоря, там, где идеология пустила корни и обрела твёрдую почву под ногами. Иными словами, обратиться к *серьёзной самокритике*. Невозможно вести пропаганду против идеологии, не ощутив её воздействие на себе, своей жизни и близких людях. Наконец, всё вышесказанное заставляет нас задуматься также и о проблеме живучести старых и отживших методов

«борьбы», широко практикуемых различными левыми организациями в России и за рубежом. Речь идёт об одиночных пикетах, разовых акциях «солидарности» и т. д. Рискнём предположить, что маргинальные социалистические организации, прибегающие к неуместным в каждом конкретном случае формам и методам борьбы, отторгают интерес рабочих к марксизму и, сами того не желая, служат стабилизаторами капиталистической системы. «Геттоизация» и «атомизация» общества, крайне выгодное для капитализма обстоятельство, когда огромные массы наёмных работников расфасованы в изолированные и психологически комфортные микросообщества, охватило и коммунистическое движение. Люди, принимающие участие в работе таких организаций, преследуя какие угодно цели и как угодно оправдывая свою деятельность, тем не менее, ничуть не способствуют делу социального освобождения. С этим тоже нужно считаться. Необходимо задаться вопросом, не являются ли нынешние формы левого протеста такими же способами стабилизации капиталистической системы? И если да, нужно искать новые методы и формы радикальной политики, порывающие с прошлым.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.